

ПРИЗРАКИ.

Несколько парть большевиков, собравъ общество, переѣхало въ Москву. Подручнымъ рѣдно было на-спѣхъ складывать, что поужьѣе и тоже перевозить си. Все-ли успѣли перевозить, или еще не все мы не знаемъ, да и во это часъ интересуетъ. Мы вовсе не собираемся говорить объ уѣхавшихъ, — уѣхали такъ уѣхали, на то ихъ барская большевицкая воля, — а мы займемся оставшимися.

Къ удивленно—оставшихся оказалось не много. Къ удивленно—все уѣхавши въ «слово», завѣщанное Петербургу тѣми, кто отбылъ: Петербургъ нынѣ уже не столица. Подразумывалось: столица — это мы. (Всякій понимаетъ, что тутъ громадная разница съ каледино-жорниловскимъ прѣдешемъ французскаго короля: l'état—c'est moi).

Уѣхавъ въ «слово» — все общество еще петербургяцы мгновенно соскучились. Привыкли быть «столичными штучками». И кто только могъ — потянулись вслѣдъ за отбывающей столицей, тоже со своимъ складомъ, — со своимъ газетамъ и прочими устройствами. Всячески «опознания» особенно поспѣшали: не быда, если и «ушлотнися» — за то столица!

Но далеко не всемъ удалось уѣхать. И гореть сердце — въ Москву! Въ Москву! да сидеть, стиснувъ зубы («Новая Жизнь» о сео шору сидитъ, лишь въ послѣдніе дни ей блеснула надежда на столичную типографию).

И ужьѣли наши общественники (торжественно и плачущіе), что живутъ они въ

глухой провинци, въ запертой башкѣ. — (по верѣ ихъ далось имъ). Некому слова сказать! Новыхъ словъ, положимъ, нѣтъ. даже старый репертуаръ урбанъ — все равно! привычка «говорить слова» необходимѣе привычки къ морфию. И она дастъ великодушную иллюзію дѣйствія.

Одоложились все-провинциальны, говорители и писатели, уѣхавшіе, что они въ Петербургъ — въ запертой башкѣ. И поступили, какъ лавки при такомъ случаѣ: набросились другъ на друга.

«Еврейские» изъ «Вѣка», «демократы» изъ «Нов. Жизнь» и «Звѣзды», «мысленные» социалисты изъ «Дня», засунувъ ружья смокингъ, тужурокъ и ширяковъ — все кинулись въ борьбу, все съ одинаковыми шемами: одинаковые мы тегионичны, гдѣ намъ стили разбирать!

Отсаривались: до стили офицеровъ пиделителюсага газеты не пошли, нельзя и требовать: офицезъ есть офицезъ! од како много въ этомъ направлеи достигли. Горькій преподноситъ «вѣщамъ» монриць, «блннни» возвращаютъ ему монриць видѣ блохъ. Ужъ не говорю о болѣе серьезныхъ ударахъ, разчитавшихъ такъ, чтобы не въ одного тебя, а и въ теплу твою, и въ бабу, и въ двоюроднаго дядю попало.

Что это такое? Откуда этотъ вервь неприятого-ужкой прыжи? Вънъ личего новаго, особенно потрясающаго, не произошло: только съ подложныи большевиковъ уѣхало, со складомъ, въ Москву. Почему же именно въ этотъ моментъ петер-

бургіе «общественники» почувствовали себя до такой степени бессильными и неудѣльными, что откровенно кинулись въ перебранку уже совершенно несуществующую?

Ничего не случилось, это лишь послѣдняя слушешка. Такъ же несуществующи были споры нашихъ «дѣтелей» и въ столичные времена, когда они спорили, думая, что «дѣлать дѣло», о всевозможныхъ несуществующихъ вещахъ: о своихъ «протраммахъ», о своихъ «мечтаньяхъ и нажбреняхъ». Всегда они спорили: «о желаемомъ и ожидаемомъ, какъ о настоящемъ». (Русская черта — споры «о верѣ»). Призрачно сражались за призракъ будущаго.

Что помнить, чтобы споряще пѣли въ виду одинъ и тотъ же «предметъ» спора (или обсужденія) и чтобы этотъ предметъ былъ совершенно конкретенъ, осязателенъ, реаленъ? Или хоть могъ реализоваться сегодня вечеромъ, завтра утромъ?

Гравой поросъ завѣтъ Герцена: «ищите близкихъ цѣлей», Варгье — залеть онъ неуживой кровью, закидать бездѣльными словами. Ищите близкихъ цѣлей... вовсе не потому, что не стоитъ пѣть далекихъ, а потъ почему: къ близкой цѣли можно ити вмѣстѣ даже не согласнымъ въ цѣляхъ болѣе далекихъ. Цѣль близкая доискусаетъ широкую общность, и часто лишь при общности и достигнута.

Я утверждаю, что враги такие какъ «Новая Жизнь» и «Вѣкъ» (беру ихъ только сознательно) могутъ ити вмѣстѣ до перваго, очень близкаго угла. И не пойдутъ, потому что они совершенно оди-

наково не привыкли, не умѣютъ изъ царства тѣней, царства призраковъ (ибо еще несуществующихъ) проиргаданій, мигнній и безплотныхъ. Дерутся на облакахъ, какъ Валькири, просто не въ силахъ обратить взоръ просрѣнному углу, до котораго и отлично бы дошли... еслибы умѣли лѣтъ по землѣ.

Малѣйшее, пустое до смѣшного, поповеніе къ реальному явленію — къ «предмету» — рождаетъ согласие ирагами. Нечаянно З. Фрайдунция и пшечатали въ единъ и тотъ же де статьи соь однимъ и томъ же: о закъ «Русскихъ Вѣдомостей». Совпаденіе къ, даже словъ, чуть-ли не заллави стойно вниканія. Но это случилось чьянно. Сама собою вскрылась суитъ «той токъ», но дойдя до сознания!

И нѣтъ осмалня. И нѣтъ касалня азвѣстъ, какъ у перваго кадета, такъ у послѣдняго интернационалиста.

Есть, принимаемое за дѣйствительность, марево протраммы и до гла, а слѣднйго праха испрепавшихся «дѣл». Какая-то астритическая туманная пид.

Не призракъ-ли и «запертая башка» уже безумная драка въ ней? Не призракъ ли и «старая» столица... и «чужаки»?

Одумается партидная, безларійная члѣтоская честная русская интеллигенция. Вѣдь не прекратилась же она сама въ спиритическое туманное иагло.

Если теперь не оуматься, то какъ же? «Соотечественники, страшно!»

Антонъ Крайнт.